

ПРАВО

УДК 343.9

Р.Л. Ахмедшин

ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ ТАКТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Раскрывается природа явления, принципиально определяющего эффективность такого раздела криминалистической науки, как криминалистическая тактика. Диапазон проблем затрагивает методологический, исторический, криминалистический и психологический аспекты. Результатом проведенного исследования выступила модель тактико-криминалистического воздействия, имеющая не только теоретическое, но и практико-прикладное значение.

Ключевые слова: тактика; воздействие; личность подследственного; личность следователя; индивидуализация тактического воздействия.

«Воздействие» в системе «Индивидуализация тактического воздействия»

В наши дни «воздействие» как научная категория стало находить должное отображение в криминалистических исследованиях. Даже в академической среде стало не «модно» ассоциировать с категорией «воздействие» действия, направленные исключительно на подавление воли оппонента; действия, недопустимые с точки зрения нравственности в целом и профессиональной этики следователя в частности. Уже нельзя категорически утверждать, что в отношении недопустимости воздействия как такового «даже время не смогло изменить некие штампы, изобретенные теоретиками» [1. С. 163].

Воздействие – сложная система информационно-психологической природы. Порой исследователи смешивают понятия «воздействие» и «внушение», полагая, что воздействие – это то, что способно изменить установки и поведение индивида или тип отношений между участниками деятельности [2. С. 101]. Напомним, что структурно воздействие состоит из убеждения, внушения, манипуляции и ряда иных второстепенных процессов. Внушение – это только один аспект воздействия. «Внушать – значит более или менее непосредственно прививать к психической сфере другого лица идеи, чувства, эмоции и другие психофизические состояния, иначе говоря, воздействовать так, чтобы по возможности не было места критике и суждению» [3. С. 9]. Воздействие – это целенаправленный перенос движения и информации от одного участника взаимодействия к другому [4. С. 58], не исключающее ни в коем случае элемент свободы воли. Воздействие – категория информационная, а не волевая, вот точка зрения современных исследователей.

Психологическое воздействие одним человеком на другого оказывается при любом вербальном контакте и невербальном обмене информацией любым субъектом процесса расследования на любого его участника. Мы воспринимаем визуально субъект, ассоциирующийся у нас с чем-то неприятным – мы подверглись воздействию со стороны этого субъекта. Оно может быть осознанным или неосознанным, запланированным или случайным, но воздействие может быть контролируемым его объектом.

Принципиальным различием между «воздействием» и «внушением» выступает наличие возможности крити-

ческой оценки получаемой информации лицом, на которое оказывается воздействие, являющейся неотъемлемым атрибутом взаимодействия индивидуумов.

Необходимо признать этически несостоятельной фактически существующую в уголовно-процессуальных и даже в криминалистических исследованиях концепцию «убогого подследственного», который неспособен противостоять воздействию со стороны следователя и в силу сказанного нуждающегося в каких-то дополнительных защитных мерах своеобразном «наморднике» на следователя.

Вывод. Правомерное воздействие необходимо признать тактически и этически допустимым, если оно предполагает возможность вариативности реакции у воздействуемого, что сохраняет у подследственного свободу выбора.

О структурном подходе к тактическому приему

Тактический прием является системообразующим понятием в криминалистической тактике, что предопределяет актуальность его системного исследования.

В вопросе о природе тактического приема традиционно выделяют две точки зрения:

– тактический прием – это рекомендация, в основе которой лежат данные специальных наук (А.Н. Васильев, В.И. Шиканов);

– тактический прием – это наиболее рациональный способ действия или линии поведения при собирании, оценке и использовании доказательств (Р.С. Белкин, Н.И. Порубов).

Понимание тактического приема как рекомендации, в основе которой лежат данные специальных наук, предельно прогрессивно. Почему? Потому что подобное понимание сразу делает видимым ценность конкретного тактического приема. Что в нем больше – теоретических рассуждений и общих пожеланий или конкретных алгоритмов, проистекающих из ЗАИМСТВОВАНИЯ И ЗАДЕЙСТВОВАНИЯ конкретных знаний? Данный подход – олицетворение практического мышления. Справедливости ради необходимо отметить, что ранее мы, заблуждаясь, полагали данную модель также предельно теоретической [5. С. 34].

Понимание тактического приема как наиболее рационального способа действия или линии поведения

при собирании, оценке и использовании доказательств имеет очень спорную прикладную ценность. Это определение ради определения. Исходя из него, совершенно непонятно, зачем оно вообще заменило термин «следственная хитрость», известный еще родоначальникам криминалистической науки.

Проблема любой теоретической конструкции проявляется в процессе ее практической реализации. Можно ли сказать то же самое о понятии тактического приема? Можно.

Предопределяет ли сложившееся понимание природы тактического приема эффективность его использования? Нет, скорее не предопределяет.

В значительном количестве случаев содержательно тактический прием сводится к предельно общим рекомендациям. Неудивительно, что эти рекомендации нередко воспринимаются адресатом как элементарная информация и вызывают у него только раздражение.

Так, не стоит воспринимать полностью удовлетворяющим требованиям научности тактический прием, ориентирующий лицо, проводящее экспериментальные следственные действия, на необходимость принятия мер нейтрализации противодействия эффективно ходу опознания со стороны недобросовестных опознаваемых. Несоответствие требованиям научности проистекает из того, что данный прием включает в себя советы «что делать», но не раскрывает даже в общем приближении алгоритм «как делать». И разве уровень конкретизации содержания значительной части традиционных тактических приемов выше, нежели в приведенном случае? Очень часто не выше.

Теоретический подход к пониманию содержания тактического приема (как наиболее рационального способа действия или линии поведения) приводит исследователя к идее существования некой совокупности поведенческих операций, направленной на достижение криминалистически значимой задачи, которая содержательно составляет теоретическую модель тактического приема. Гипотетически это правильно, но подобное видение тактического приема происходит из кардинально неверной посылки идентичности психического потенциала лиц, которые его используют, и лиц, в отношении которых он используется. Действительно, если человеческий фактор не упоминается в контексте природы тактического приема, значит, он малозначим. Соглашаться с последним недозволительно.

Неубедителен контраргумент о том, что содержательная детализация тактического приема предопределяется значительным количеством ситуационных факторов, и в силу этого неконкретность тактического приема является объективно существующей проблемой. Предельно устарело утверждение, что в тактический прием должна включаться только непосредственная рекомендация совершения определенных действий. Неубедительность данного положения проистекает из создания все более и более детализированных тактических приемов, что демонстрирует постепенность приращения тактико-криминалистического знания.

Включение в прикладную модель тактического приема только самой рекомендации безотносительно

условий ее реализации было объективно для периода зарождения криминалистического знания и его первоначального становления (конец XIX – первая половина XX в.). С развитием же знаний о человеке игнорирование индивидуальных особенностей лица, применяющего тактический прием, и лица, по отношению к которому прием применяется, становится просто недопустимым.

Нам могут возразить, что тактический прием есть рекомендация следователю, специально сформулированная в достаточно общем виде, в целях последующей конкретизации в процессе расследования конкретного преступления. Контраргумент – при рассмотрении модели тактического приема необходимо рассуждать не в рамках примитивной системы «общие закономерности – частный случай», а в рамках системы «общие закономерности – частные закономерности – частный случай». Во втором случае ценность идеи увеличения тактического арсенала становится рациональной.

Вывод. Тактический прием, который сводится лишь к рекомендации безотносительно учета условий, в которых они реализуются, сегодня можно признать архаизмом.

О структуре тактического приема

Если отказаться от порочной исследовательской практики, которая включает в содержание тактического приема лишь саму рекомендацию, оптимизирующую деятельность по расследованию, то его структура видится следующей:

1. Действия, реализация которых с высокой степенью вероятности будет способствовать достижению криминалистически значимых задач. Содержательно эти действия подробно описаны исследователями-криминалистами.

2. Рекомендации по уточнению алгоритма действий, исходящие из личностных особенностей лица, оказывающего воздействие. В основе рассматриваемых рекомендаций лежат личностные особенности воздействующего, выраженные в сильных/слабых поведенческих моделях, присущих ему в силу его психологического типа. Из того, что следственная деятельность характеризуется рядом факторов, предопределяющих эффективность психической организации следователей, становится ясным, что предельно наивно утверждать, что ко всем поведенческим моделям одинаково эффективно адаптированы люди с различными особенностями психологической организации.

3. Рекомендации по уточнению алгоритма действий, исходящие из личностных особенностей лица, на которое оказывается воздействие. В основе рассматриваемых рекомендаций лежат личностные особенности воздействуемого, выраженные в сильных/слабых поведенческих моделях, присущих ему в силу его личностных особенностей.

Современная криминалистическая тактика продолжает оставаться на распутье. С одной стороны, перед ней практикуемая ранее традиция бессмысленных дискуссий о природе тактических средств, которая потеряла свою актуальность еще в конце XX в., ввиду исчерпан-

ности темы и актуальная сегодня только в рамках написания диссертаций. С другой стороны, весьма перспективная (а на наш взгляд единственная), кристаллизующаяся в наше время идея исследования факторов, которые оптимизируют использование ставших классическими тактических приемов.

В англосаксонской исследовательской традиции юридическая психология (law psychology) включает в себя широкий спектр закономерностей, которые у нас в стране частично исследуются в рамках криминалистической тактики, но даже там среди криминалистов актуальна дискуссия «Действительно ли мы наука?» [7. Р. 145]. Исследование же факторов, оптимизирующих использование тактических приемов, способствует пониманию криминалистической тактики как научного знания, а не «философствования на тему».

Рекомендации по уточнению алгоритма действий, исходящие из личностных особенностей лица, на которое оказывается воздействие, и рекомендации по уточнению алгоритма действий, исходящие из личностных особенностей лица, оказывающего воздействие, выступают содержательным наполнением процесса индивидуализации тактического воздействия. Мы осознаем порочную исследовательскую практику генерирования новых терминов, которая, как правило, проистекает из нежелания исследователя проводить практико-ориентированные исследования, однако в помощь начинающим криминалистам сформулируем понятие индивидуализации тактического воздействия.

Индивидуализация тактического воздействия – это адаптированное к конкретной ситуации, прежде всего по кругу лиц, использование тактического приема. На современном этапе развития криминалистической науки элементы, в наибольшей степени подлежащие адаптации – это элементы, проистекающие из особенностей личности лица, на которое оказывается воздействие, и особенностей личности лица, оказывающего воздействие.

Процесс индивидуализации тактического воздействия обладает вполне выраженным видовым разнообразием. Использование абстрактной рекомендации (тактического приема) в рамках конкретных условиях предполагает естественную опору либо на интуитивные алгоритмы, базирующиеся на опыте человека, либо алгоритмы, базирующиеся на научных знаниях. На основе сказанного можно выразить три основные разновидности индивидуализации тактического воздействия:

- интуитивная индивидуализация тактического воздействия с выраженным элементом опыта;
- интуитивная индивидуализация тактического воздействия с выраженным элементом эмпатии;
- формализованная индивидуализация тактического воздействия.

Бесспорно, что адаптация используемого тактического приема к условиям конкретной ситуации может быть основана на ситуативном анализе использующего этот прием лица. Необходимо, однако, помнить, что объективность данной разновидности адаптации базируется на широком диапазоне факторов, начиная от опыта специалиста и заканчивая его настроением, а значит, в плане эффективности варьируется в таком же широком диапазоне.

Если личность специалиста тяготеет к рациональной организации, то скорее всего мы будем наблюдать индивидуализацию тактического воздействия, базирующуюся на личном опыте (ранее пережитых ситуациях). Напомним, что модели, базирующиеся на опыте носителя уязвимы, во-первых, в силу неадекватности объема имеющегося опыта требованиям конкретной ситуации, а во-вторых, в силу деактуализации опыта со временем. О второй тенденции исследователи часто забывают, а ведь достаточно сравнить преступность современную и двадцатилетней давности, чтобы понять, что существование специалиста с огромным, но неактуальным опытом есть явление распространенное. Особенно если исследователь или специалист возрастной.

Если личность специалиста тяготеет к иррациональной организации, то, скорее всего, мы будем наблюдать индивидуализацию тактического воздействия, базирующуюся на эмпатийной составляющей. Роль эмоционального прочувствования текущей ситуации крайне слабо исследована в отечественно криминалистической науке, которая в качестве аксиомы ставит доминанту разума в каждой конкретной ситуации расследования.

В целом интуитивная индивидуализация тактического воздействия с выраженным элементом как опыта, так и эмпатии характеризуются следующими свойствами:

– не являются научными категориями, так как весьма спорным является утверждение, что один человек может собрать достаточно репрезентативный объем информации (напомним, что научные законы могут формулироваться только статистически, путем изучения и анализа большого числа случаев, отобранных методом рандомизации);

– не носят системный характер, в силу слабой формализации (именно из сказанного проистекает сложившаяся традиция бывших практиков из следствия и дознания, перешедших в науку не обобщать полученный ими опыт, так как он ими слабо или проблемно формализуется, а исследовать оторванные от реальности понятийные и сущностные проблемы, выдумывать концептуальные основы одиночных понятий и новые подходы к давно исследованным явлениям);

– крайне зависимы от текущего психологического состояния лица их использующего, т.е. предельно спорные в плане прикладной эффективности.

В чем же причина такого широкого признания столь неэффективных форм индивидуализации тактического воздействия? Причина одна – как интуитивная индивидуализация тактического воздействия с выраженным элементом опыта, так и интуитивная индивидуализация тактического воздействия с выраженным элементом эмпатии не предполагают возможности формулирования конкретных выводов, предоставляя возможность исследователю пространно рассуждать об их значимости и неоднозначности. Нет конкретных выводов – нет и критики со стороны коллег, либо эта критика носит предельно полемичный характер.

Мы не отрицаем ценности рассмотренных форм индивидуализации тактического воздействия. Так,

интуитивная индивидуализация тактического воздействия с выраженным элементом опыта содержательно нередко позволяет оптимизировать тактический прием по времени и месту. Однако интуитивная индивидуализация тактического воздействия с выраженным элементом эмпатии содержательно нередко позволяет оптимизировать тактический прием по кругу лиц. Диапазон этой оптимизации ввиду бесструктурности, о которой говорилось в начале статьи, крайне незначителен, и криминалистическая наука современности давно его переросла. В целом же возможности идеографического подхода, его недостатки и проблематика неоднократно обсуждались исследователями. Криминалистика в рамках идеографического подхода – это прошлое криминалистики.

Из сказанного следует, что только третья форма индивидуализации тактического воздействия, а именно формализованная индивидуализация тактического воздействия, имеет системный характер, предполагающий научность этой формы.

Вывод. Крайне значимо ориентирование на формализованные, а не на интуитивные знания, так как первые олицетворяют научный подход, вторые (в лучшем случае бытовую) – логику.

О формализации в системе «индивидуализация тактического воздействия»

Номотетический подход объективно предполагает формализацию явления как первый шаг к его измерению. Как формализовать абстракцию? Конечно, по частоте ее проявлений в реальности. Так, абстракция «порядочность человека» может быть измерена в количестве доносов, написанных человеком за определенный период времени. К примеру, чем больше количество доносов им написано за определенный период (хотя в целом достаточно и одного), тем четче прослеживается дегенеративность человека, а с определенным допуском – и дефектность его родителей и его потомства. Оговоримся, что под доносом мы понимаем сообщение властям (вообще любому начальству) о чьих-то действиях, предосудительных с точки зрения начальника, но не с точки зрения общества.

Как видно из вышеприведенного случая, феномен человека даже на уровне наименее измеряемых параметров подлежит объективному изучению. Изучение это нам видится в рамках двух основных типовых векторов – персонализации и типизации. Именно в этих двух формах и происходит формализация в системе «индивидуализация тактического воздействия».

Под персонализацией в контексте индивидуализация тактического воздействия мы понимаем выделение таких личностных особенностей, которые будучи измеряемыми позволяют вносить коррективы в использование тактических приемов. В основном в круг упомянутых личностных особенностей мы склонны включать такие наиболее измеряемые конструкции как психологические свойства. Однако в силу того, что индивидуализирующая роль одиночного психологического свойства невысока, а комплексы психологических свойств как системные образования исследованы недостаточно, персонализацию можно вос-

принимать как облегченную (экспресс) форму индивидуализации тактического воздействия, использующую преимущества формализации.

Под типизацией в контексте индивидуализация тактического воздействия мы понимаем выделение таких психотипологических особенностей, которые будучи измеряемыми позволяют вносить коррективы в использование тактических приемов. Типовые модели поведения – идеальное средство индивидуализации тактического приема на современном этапе развития знаний о человеке. Следует однако понимать, что с самого зарождения криминалистической науки отмечалась такая проблема отраслевых правовых наук, как невыраженная способность к использованию достижений иных наук, на право «как на наиболее отсталую из всех дисциплин, которые соприкасались с современными тенденциями», на неспособность к существованию в пространстве современной науки [8], по сути – на проблему научности правовых знаний.

Рассуждая о типировании личности, даже сегодня необходимо признать, что идея сведения многообразия внутреннего мира человека к типовым моделям его поведения не является общепризнанной. Несмотря на это, исследования с помощью приема типизации значительно обогащают криминалистическую тактику [9. С. 207–224].

Объективной основой аргументации против типирования выступает принципиальная многоаспектность человеческой личности. Причиной же данных заявлений является непонимание того, что человек имеет только потенциал многоаспектности, не означающий, однако, что в реальности будет реализована большая часть возможностей этой многоаспектности.

Человек склонен к состоянию гомеостаза (равновесия) как базовому для человеческой психики, что полностью соответствует гомеостатической природе физической системы в целом. Природа человека подчиняется закону гомеостаза, определяющего необходимость уменьшения напряжения и сохранения состояния внутреннего психофизиологического равновесия. Типологическая (точнее психотипологическая) модель идеально «вписывается» в концепцию гомеостаза и выступает определяющей в деятельности каждого человека, хотя последнее и не безоговорочно.

«Когда говорят о “нормальной личности”, то сплошь и рядом забывают, что соединение двух таких терминов, как “личность” или “индивидуальность”, с одной стороны, и “норма” или “средняя величина” – с другой, такого рода соединение грешит внутренним противоречием; это есть соединение двух по существу совершенно не согласных друг с другом терминов. Слово “личность” именно подчеркивает индивидуальное в противоположность схеме, норме, середине. Решительно то же самое относится и к выражению “нормальный характер”» [10. С. 262–269]. Стереотипность личности – величина весьма условная, как и величина, характеризующая индивидуальность. Балансируя между условной нормальностью и неявно выраженной индивидуальностью, которая в силу схожих условий существования объективно незначительна, психотипологический подход представляет собой закономерный

этап исследований личности. Тот самый этап, который и определяет научность применяемого знания, а не его интуитивность, которую предпочитают большее количество практиков, проецирующих в свое психическое напряжение.

Вывод. Исследовательский вектор, ориентированный на индивидуализацию тактических приемов, будет способствовать, прежде всего, их более глубокому научному осмыслению, а на уровне прикладном – более эффективному применению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жуков О.И. Тактико-криминалистическая основа следственной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 208 с.
2. Андреева Г.М. Социальная психология. М. : Изд-во МГУ, 1980. 417 с.
3. Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб. : Издание К.Л. Риккера, 1908. 175 с.
4. Психология. Словарь. М. : Политиздат, 1990. 494 с.
5. Ахмедшин Р.Л., Воронин С.Э. Моделирование в криминалистической деятельности. Красноярск : АНО ВО «Сибирский институт бизнеса, управления и психологии», 2019. 281 с.
6. Дулов А.В. Основы психологического анализа на предварительном следствии. М. : Юрид. лит., 1973. 168 с.
7. David M. *Miranda evidence found: an approach to crime scene investigation*. N. Y. : Elsevir, 2015.
8. Gross H. *Criminal Psychology: A Manual for Judges, Practitioners, and Students*. Boston : Little, Brown and Co, 1915.
9. Юань В.Л., Алексеева Т.А., Ахмедшин Р.Л. Выявление истероидной акцентуации у обвиняемого с помощью анализа его речи, поведения и биографии // *Правосудие*. 2020. Т. 2, № 1. С. 207–224.
10. Ганнушкин П.Б. Клиника психопатий: их статика, динамика, систематика, некоторые общие соображения и данные // *Психология индивидуальных различий* / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. М. : Изд-во МГУ, 1982. С. 262–269.

Статья представлена научной редакцией «Право» 29 апреля 2021 г.

Individualization of Tactical Impact: Theoretical and Applied Aspects

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 466, 202–206.

DOI: 10.17223/15617793/466/24

Ramil L. Akhmedshin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation); West Siberian Branch of the Russian State University of Justice (Tomsk, Russian Federation). E-mail: raist@sibmail.com

Keywords: tactic; impact; personality of person under investigation; personality of investigator; individualization of tactical impact.

The article reveals the nature of the phenomenon that fundamentally determines the effectiveness of the forensic tactic, a section of forensic science. The range of problems affects methodological, historical, forensic, and psychological aspects. The result of the study was a model of tactical and forensic impact, which has not only theoretical, but also practical and applied value. The object of the research is a complex of backbone elements of the phenomenon of impact as a unique form of forensic interaction of participants in the investigation. In the study, the general methods of analysis, synthesis, systemic and structural methods and the specific methods of biographical analysis, statistical analysis, comparative historical analysis, and expert assessment were used. The article contains the following conclusions. Legal impact must be recognized as tactically and ethically permissible if it implies the possibility of variability of the reaction of the affected person, which preserves the freedom of choice for the person under investigation. A tactical technique, which boils down to only a recommendation without regard to the conditions in which they are implemented, can be recognized as an archaism today. Orientation to formalized rather than intuitive knowledge is extremely significant since the former personifies the scientific approach and the latter, at best, everyday logic. Personalization, in the context of the individualization of tactical impact, is understood as the selection of such personal characteristics that, being measured, will allow making adjustments to the use of tactical techniques. However, due to the fact that the individualizing role of a single psychological property is low, and complexes of psychological properties as systemic formations have not been studied enough, personalization can be perceived as a facilitated (express) form of individualization of tactical impact using the advantages of formalization. Typification, in the context of the individualization of tactical impact, is understood as the selection of such psychotypological features that, being measured, will allow making adjustments to the use of tactical techniques. Typical models of behavior are an ideal means of individualizing a tactical technique at the present stage of development of knowledge about a person. The research vector focused on the individualization of tactical techniques will contribute, at the theoretical level, to their deeper scientific understanding and, at the applied level, to their more effective application.

REFERENCES

1. Zhukov, O.I. (2006) *Taktiko-kriminalisticheskaya osnova sledstvennoy deyatel'nosti* [Tactical and forensic basis of investigative activity]. Law Cand. Diss. Moscow.
2. Andreeva, G.M. (1980) *Sotsial'naya psikhologiya* [Social Psychology]. Moscow: Moscow State University.
3. Bekhterev, V.M. (1908) *Vnushenie i ego rol' v obshchestvennoy zhizni* [Suggestion and its role in public life]. St. Petersburg: Izdanie K.L. Rikкера.
4. Abramenkova, V.V. et al. (1990) *Psikhologiya. Slovar'* [Psychology. Dictionary]. Moscow: Politizdat.
5. Akhmedshin, R.L. & Voronin, S.E. (2019) *Modelirovanie v kriminalisticheskoy deyatel'nosti* [Modeling in forensic activities]. Krasnoyarsk: Siberian Institute of Business, Management and Psychology.
6. Dulov, A.V. (1973) *Osnovy psikhologicheskogo analiza na predvaritel'nom sledstvii* [The basics of psychological analysis in the preliminary investigation]. Moscow: Yurid. lit.
7. David, M. (2015) *Miranda evidence found: an approach to crime scene investigation*. N. Y.: Elsevir.
8. Gross, H. (1915) *Criminal Psychology: A Manual for Judges, Practitioners, and Students*. Boston: Little, Brown and Co.
9. Yuan', V.L., Alekseeva, T.A. & Akhmedshin, R.L. (2020) Identification of hysterical accentuation in the accused by analyzing his speech, behaviour and biography. *Pravosudie – Justice*. 2 (1). pp. 207–224. (In Russian). DOI: 10.37399/issn2686-9241.2020.1.207-224
10. Gannushkin, P.B. (1982) *Klinika psikhopatii: ikh statika, dinamika, sistematika, nekotorye obshchie soobrazheniya i dannye* [Clinic of psychopathies: their statics, dynamics, systematics, some general considerations and data]. In: Gippenreyter, Yu.B. & Romanov, V.Ya. (eds) *Psikhologiya individual'nykh razlichiy* [Psychology of individual differences]. Moscow: Moscow State University. pp. 262–269.

Received: 29 April 2021